

Написание обобщающих трудов по истории и культуре того или иного народа, а тем более по целому субрегиону, каковым является Дагестан, дело кропотливое, требующее сведения воедино множества фактов и их анализа, предложения читателям взвешенных оценок по спорным вопросам. Работы такого плана – это еще и отражение развития науки, которая совершенствует свои принципы и подходы в исследовании материала. Каждая “историческая эпоха” создает свои обобщающие труды¹.

Рецензируемая работа (50 уч.-изд. л.) – наиболее представительная из всех перечисленных монографических исследований по народам Дагестана. Она подготовлена большим коллективом авторов – сотрудников Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (очевидно, по причине технической ошибки на титульном листе издания в названии данного Института вместо “этнографии” значится “антропология”) с привлечением сотрудников Института востоковедения РАН, в сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии РАН.

Что вправе ожидать читатель (заинтересованный, желающий получить ответы на имеющиеся у него вопросы) от данного издания? Новых подходов к анализу интереснейшего историко-этнографического материала? Вероятно, так как Дагестан своеобразен и заметно отличается от Северного и Южного Кавказа. В нем ныне происходят события, которые неизменно привлекают внимание широкой общественности, и разобраться в которых невозможно без учета историко-культурного фактора. Общий, цельный взгляд на Дагестан, на историю и культуру проживающих в нем народов ныне возможен уже по той причине, что за последние десятилетия опубликованы солидные исследования разнообразных сторон культурного (в широком понимании этого слова) наследия горцев и их ближайших соседей. Иными словами, возможностей для комплексного анализа опыта жизни дагестанцев как особого исторического и культурного сообщества, опыта в разнообразных его проявлениях имеется достаточно. Однако авторы рецензируемого издания по такому пути его создания не пошли. Первую, вводную часть тома составляют очерки, дающие информацию общего плана, в том числе о природных условиях, основных исторических событиях, истории хозяйства, религиозных верованиях, современном дагестанском селе и культуре. Их наличие подразумевает, что у читателя должна сформироваться целостная картина жизнедеятельности населения края в контексте исторического прошлого. К сожалению, получившаяся картина не достаточно выразительна.

Читателю предлагается обстоятельная информация о демографических процессах в период с конца XIX до конца XX в., он в самых общих чертах узнает о перипетиях судьбы малых народов, лишившихся статуса народа по воле государственных чиновников, знакомится со сложными, часто противоречивыми явлениями нынешней жизни дагестанцев, живущих в сельской местности. Последнее крайне интересно и важно для понимания политических и других процессов в современной Республике Дагестан. Однако такая информация отчасти “повисает в воздухе”, ибо не зная того, как жил дагестанский аул прежде, “традиционно”, нельзя адекватно оценить происходящее в нем теперь. Часто звучащее в современном Дагестане апеллирование к опыту прошлого (сошлось хотя бы на принятые правительством Дагестана в 1995–1996 гг. законы “О сельской общине”, “О сельском самоуправлении”) говорит о жизнестойкости “традиций”, осознаваемых как актуальное настоящее. Тема (проблема) своеобразия общественных отношений в Дагестане, во многом определяемая судьбой местной общины (*джамата*), имеет непосредственный выход к истории формирования и жизнедеятельности малых народов. Специальные исследования по данному вопросу имеются², однако зафиксированные в них выводы в настоящем издании не нашли надлежащего отражения.

Неоднозначное впечатление производит очерк “Религиозные верования”, где представленный материал выглядит мозаичным, где беглый взгляд на историю мировых религий, в первую очередь ислама, который начал укореняться в Дагестане с VII в., переплетается с избыточной информацией об обрядах вызывания дождя (очевидно, как наиболее показательного примера “архаизмов” в сознании народа?) и дополнен сведениями о современных ваххабитах и ваххабизме.

Раздел “Культура” в основном ограничен справками о системе образования в имамате Шамиля и о школах, организованных после включения Дагестана в состав России, позднее – СССР; немного – о просветителях и литераторах. Представляется, что культура, равно как история религиозных представлений населения Страны гор, с его уходящей в века письменной традицией и т.п. намного богаче, чем они представлены в означенных очерках.

Коль скоро во вводной части солидного издания важные вопросы не нашли должного освещения, можно было полагать, что им уделят внимание в очерках об отдельных народах.

Что в этом отношении представляют собой очерки о народах данного издания?

Статьи об аварцах, даргинцах, лакцах, кумыках, ногайцах – краткие, но весьма информативные очерки, в них обозначены проблемы, возникшие в жизни соответствующих народов, в одном случае более ве-

ка назад, в другом – сравнительно недавно. Не менее обстоятельны статьи об азербайджанцах, горских еврейях, татах, чеченцах. В последнем случае акцент сделан на вопросах расселения чеченцев на территории Дагестана, что, по-видимому, оправдано ввиду непростой современной политической обстановки на Северном Кавказе.

Обстоятелен и ряд очерков о малых народах – андо-цезах, кайтагах, кубачинцах, народах лезгинской языковой подгруппы. Так, в статьях об андийцах, ботлихцах, хваршинах, годоберинцах представлены пояснения к особенностям функционирования их как этносоциальных организмов с конкретизацией принципов взаимодействия семейно-родственных и общинных структур, колоритные детали общественного быта, местная терминология и др.

К сожалению, этого нельзя сказать о статьях, посвященных дидойцам (цезам), бежтинцам, гинухцам, гунизцам, чамалалам. Содержащаяся в них информация носит предельно общий характер. Конечно, следует знать, к какому антропологическому типу относится тот или иной народ, справки по данному вопросу даются в каждой статье, однако без соответствующего обзора по всему краю они мало что поясняют. К тому же в одних случаях кавкасионский антропологический тип характеризуется “вытянутой формой головы” (с. 231), а в другом – “круглой” (с. 290). Одним из главных этнодифференцирующих признаков принято считать язык, и для малых народов Дагестана этот критерий весьма актуален. Поэтому странно выглядят статьи о бежтинцах, гинухцах, гунизцах, дидойцах, тиндинцах, каратинцах, в которых не содержится ни одного “местного” слова (термина).

Из представленных описаний следует, что каждый народ жил и живет в домах каменных, что его представители носят одежду плечевую, поясную и т.д., а питаются они мясо-молочной и мучной пищей. Однако для специального этнографического исследования (а очерк о народе должен являться таковым) не достаточно предельно общих сведений. Лишь в статье о годоберинцах оговаривается специфика местного домостроительства, хотя специалисты выделяют многие варианты дагестанского жилища; в одних лезгиноязычных районах – горно-лезгинское, предгорно-лезгинское, старо-лезгинское, в народной архитектуре бежтинцев и дидойцев обоснованно усматривается грузинское влияние, но в статьях о соответствующих народах об этом ничего не говорится. Читателю, конечно же, интересно знать, что женщины того или иного народа носили платья разных типов. Например, говорится, что бежтинки носили “платья-рубahi, платья других видов, типа бешмета, отрезные” и подпоясывали их “матерчатым поясом-повязкой”; а уместной здесь выглядела бы и информация о ношении бежтинками передников (грузинское влияние), а пояс обязательно был желтого цвета, что отличало их от соседок-дидоек, чьи пояса были красными. Не упоминается и сохранявшаяся до XX в. вязаная одежда, равно как изготавливавшаяся из кожи. В научных исследованиях отмечено, что одежда, особенно женская, являлась атрибутом мельчайших этнических групп, вплоть до каждого общества-джамаата, и ее отличия напрямую коррелировали с языковым (диалектным) многообразием. Ознакомившись с материалами статей о малых народах, этого практически не заметишь.

Трудно разглядеть и специфику традиционной пищи. В перечне пищевого рациона бежтинцев, дидойцев, гунизцев сыр значится на последнем месте, хотя он занимал и занимает в нем особое место, сыров производится несколько видов и каждый, естественно, со своим названием. Замечу также, что в 1980-х годах изготовлявшийся дидойцами сыр высоко ценился на базаре грузинского г. Телави. Выводы можно сделать разные: то ли это следствие особенностей хозяйства указанных народов, сложившихся под влиянием местных природно-географических условий, то ли фактор рынка (а дагестанцы пограничных с Грузией районов всегда имели тесные экономические связи с населением последней), то ли сочетание одного и другого, либо нечто иное.

В ряде статей изрядное внимание уделено влиянию городской культуры на уклад жизни горцев, которое началось со второй половины XIX в. (см., например, с. 235), дальнейшим изменением внешнего облика селений, приведшим к сложению “типа поселения ...советское село” (!; с. 439), однако часто неоправданно мало места занимает информация о жизнедеятельности селений/общин в прошлом, в условиях “традиционного” общества.

Уникальный пример, уникальная модель развития малого народа – гинухцы, жители селения Гинух (Генух). Последнее расположено в 4 км от дидойского селения Кидиро (Кидеро; и, соответственно, еще ближе к границам обширной территории расселения дидойцев), не отделено от него ни горным кряжем, ни лесом, ни рекой, однако его жители считали и продолжают воспринимать себя особым народом (их язык родственен дидойскому и бежтинскому, но самостоятельный). Количество дворов в Гинухе в XIX в. колебалось от одной сотни до двух с половиной десятков, а число жителей вряд ли когда-либо превышало 1 тыс. чел. В статье о гинухцах их аул определен как крупное поселение (с. 248; крупным его можно назвать лишь в сравнении с тремя принадлежавшими гинухцам хуторами), но для Дагестана в целом он, безусловно, маленький. Там же сообщается об общественном устройстве и быте гинухцев, но в самых общих словах и определениях, которые практически не отличаются от аналогичных характеристик других народов (джамаат, тухумы, сельский сход, адат, старейшины и т.д.), хотя как не на данном примере, где

число тухумов предельно ограничено, каждый имеет собственное имя и свои отношения с соседями, можно было показать порядок жизнеустройства этноса-малютки. Н.И. Воронову в 1867 г. было странно наблюдать, как “70 душ инухцев” (гинухцев), населявших 26 дворов, но разговаривавших на собственном языке, “претендуют на самостоятельность или независимость от дидойского общественного распорядка, спорят за земли с кидеройцами (жителями дидойского селения Кидиро. – Ю.К.) и на сходке заявляют открыто, что и дидойский наиб и вся цунта (дидойцы. – Ю.К.) их обижают”³. К сожалению, спустя более чем сто лет, даже после недавно проведенного специального исследования в данном селении, результаты которого опубликованы в рецензируемой книге, вопросы о критериях и механизмах этничности (столь активно дискутируемые в современной этнологии, социальной антропологии и социологии) остаются открытыми даже на столь богатом материале.

Не раскрытым остался и вопрос о функционировании местной общины. В XIX в. Гинух входил в состав одного из дидойских обществ, а именно Шуратль (Шератльби), и отношения у него с ним были непростые, о чем свидетельствует приведенная выше цитата. В материалах второй половины XVIII в. он упоминается в “округе” капучинцев (бежтинцев; эти сведения принадлежат И.А. Гильденштедту, одним из информантов которого был уроженец селения Кидиро)⁴. Гинухцы рассказывают, что у них имеются родичи, живущие, ни много ни мало, возле Мекки, путешественники XIX в. отмечали сходство с гинухским языком речи жителей некоторых селений современного Цумадинского р-на, среди дидойцев бытует версия о происхождении гинухцев от плененных их предками два – два с половиной века назад бежтинцев и анцухцев, которые были поселены на границе дидойских земель⁵. Ничто из этого в статье о гинухцах не упоминается, зато говорится о размещении их на нынешней территории со второй половины I тыс. до н.э. Откуда взялась подобная дата, можно только гадать, ибо археологических исследований в этом районе не проводилось, а даже если бы и проводились, то вряд ли их результаты дали достаточные основания для установления этнической принадлежности творцов ископаемых древностей.

Вообще, считаю нужным заметить, что предания об образовании селений и обществ, о первопоселенцах и об их отношениях с вновь появившимися жителями тех или иных мест чрезвычайно ценны в качестве этнографического источника. На основании их, а также данных о тухумной структуре общин народов Западного Дагестана Е.М. Шиллинг прослеживал заслуживающие внимания закономерности первичной организации подобных социальных моделей, особо выделяя принцип дуальности⁶. Преувеличивать значение указанного принципа, очевидно, не следует; социальным системам была присуща более сложная организация, а дуальность выступала скорее как полуумозрительный предел, к которому стремились первичные системы, хотя этот принцип, безусловно, повлиял на формирование мировоззрения горцев либо, наоборот, явился его выражением⁷.

Материалы таких преданий кратко излагаются лишь в некоторых статьях, в частности о годоберинцах. Обычно же дается справка о принадлежности каждого из народов андо-дидойской подгруппы (за исключением собственно андийцев – с. 149, хотя на с. 181 говорится обратное) в древности к политическому союзу Дидо, после распада которого, как пишут авторы, и образовались самостоятельные общинные союзы указанных малых народов. Коль скоро союз Дидо в эпоху поздней античности и средневековья являлся значительной политической силой и сыграл важную роль в истории многих, хотя и малочисленных народов, странным выглядит упоминание его в общем очерке по истории Дагестана.

Здесь же отмечу, что довольно странное впечатление производит справка по истории лезгин. В ней изложены версии об их происхождении из Индии, информация о возможной связи с басками, а равно предположение о генетической преемственности с населением Южного Дагестана первобытной (!) эпохи (с. 378). Непонятным выглядит и заявление (с. 379) о том, что в XVIII–XIX вв. территория расселения лезгин в рамках одного государства (какого?) делилась между ханствами и “вольными” обществами (союзами общин).

Иногда в статьях встречаются неверные оценки и ошибки. Например, в очерке о гинухцах отмечено, что только у них “приблизительно до середины – конца XIX в. сохранялся обычай применения тугой повязки на голову новорожденного мальчика” (с. 251). На самом же деле, обычай повязывания головы младенца плотной матерчатой повязкой или куском кожи практиковался и частично практикуется в настоящее время среди разных народов Дагестана⁸.

Впрочем, если подобную неточность можно назвать досадной ошибкой, то другая “неточность”, по существу, является искажением факта, что гораздо серьезнее. Остановлюсь на ней и по той причине, что в тексте дается ссылка на мою работу и я считаю необходимым “оправдаться”.

В очерке о дидойцах (с. 271) написано: “Самобытен местный праздник встречи зимы, сопровождающийся всеобщим весельем, ряжением в маски, разжиганием костров, коллективными трапезами и др.” Данная информация требует следующего комментария. Речь идет о празднике *игби* (почему он в тексте безымянен – непонятно), который до настоящего времени справляется только в трех дидойских селениях – Шаитль, Геняитль и Китури, причем наиболее развернутый его сценарий реализуется в первом из перечисленных населенных пунктов. Уже этот факт представляет немалый интерес, так как дает представле-

ние об особенностях общественного быта горцев. Игби традиционно справлялся 5 февраля (теперь обычно в первое воскресенье указанного месяца) – в день середины зимы (зимний период традиционно определялся во временных рамках с 22 декабря по 22 марта), но подразумевал приход весны и наступление нового календарного года – никак не встречу зимы. Организаторами и участниками праздника выступает мужская молодежь, что связано с сохранявшейся до второй трети XX в. в разных районах Дагестана, в том числе в районе расселения дидойцев, традицией мужских союзов. Юноши действительно наряжаются в маски и другие элементы “карнавального” костюма, главные действующие лица именуются волками, что восходит к хорошо известной “волчьей” символике мужских союзов. Помимо указанного, совершаемые на игби ритуальные действия связаны с архаическим культом божества растительности, и именно они составляют главное содержание праздника, а не всеобщее веселье. Наконец, разжигание костров и коллективные трапезы на игби не практикуются и об этом в моих работах не было сказано ни слова⁹. В итоге изложенная в книге справка об игби не только бессодержательна, но искажает действительное положение вещей.

И здесь вновь правомерно обратиться к вопросу о значении и ценности рецензируемой книги. В ней отсутствует полноценный обобщающий взгляд на историю и культуру народов Дагестана. Примечательно, что у ранее упоминавшегося Н.И. Воронова он имелся. Автор писал: “...Судя о Дагестане ...нельзя не прийти к выводу, что основа дагестанской самобытности, или же своего рода цивилизации, лежит в своеобразном искусстве домостроительства, понимая последнее в самом обширном значении, т.е. как в отношении устройства частного и общественного распорядка... С этой точки зрения легко понимаются и дурные и хорошие черты дагестанской своеобразности...”¹⁰. Взгляд оригинальный и продуктивный. Его можно прокомментировать и уточнить лексическим материалом.

Дело в том, что в большинстве языков горских народов Дагестана нет самостоятельного слова для обозначения понятия “дом” – оно передается через множественное число слова “комната”. Из этого факта современные исследователи делают вывод о первоначальном однокамерном типе жилища горцев. Однако аварское *рукь*, лакское *кьатта*, лезгинское *квал* – это не только “комната”, но также и “клетка”. Почему так?

Подобно тому, как жители современной Махачкалы называют свои квартиры в многоэтажных домах “секциями”, подразумевая под этим, что их жилища являются всего лишь ячейками большого сооружения, так, очевидно, и их предки именовали собственные дома синонимично “клетке”, ибо расценивали их всего лишь отдельными сотами в улье-селении (общине). Квартира может быть многокомнатной, но останется секцией. Архаичный дом дагестанского горца, вероятно, был однокамерной постройкой, но даже когда он изменялся и обретал новые “комнаты”, не переставал быть “клеткой” – звеном в многоэлементной цепи аналогичных строений аула, которая и была собственно домом. Вот, на мой взгляд, один из возможных примеров, подтверждающий необходимость использования лексических материалов в этнографическом тексте, но одновременно и материал, поясняющий “своеобычность цивилизации” Дагестана, в которой огромную роль играла община.

В рецензируемой книге местная “цивилизация” в целом не получила необходимой и достаточной образности и пояснений. Каждому автору была предоставлена возможность самостоятельно показать своеобразие того или иного народа. Он мог стремиться уместить в отведенном (конечно же ограниченном) листе содержательную информацию о вверенном его “печению” народе либо ограничиться, безусловно, верными, но уж очень общими сведениями о таковом. Книга содержит примеры обоих подходов. Однако у книги имеются научные редакторы, чьи права и обязанности велики и конкретны.

Дам совет тем, кто желает получить обстоятельные сведения о большинстве малых народов Дагестана – не забудьте обратиться к вышедшей мизерным тиражом и не столь красиво изданной, как рецензируемая, но крайне содержательной книге Е.М. Шиллинга. В “Народах Дагестана” 2002 г., к сожалению, вы далеко не всегда найдете равноценную ей информацию.

Я акцентирую внимание на малых народах, в первую очередь андо-дидойских, по той причине, что они до сих пор официально не признаны, а об их культуре (понимаемой в широком значении термина) известно явно недостаточно. Впрочем, именно они – андо-дидойцы, а также кайтаги и кубачинцы – после длительного перерыва вновь оказавшиеся (правда, “полуофициально”) в общем списке народов Дагестана, наверняка будут рады выходу данной книги. Больше десяти лет общественность многих из них активно добивается восстановления статуса самостоятельных народов. В книге об этом не упоминается. Возможно, здесь опять срабатывает “человеческий (авторский) фактор”. Согласно текстам о кумыках и ногайцах, у этих народов проблемы имелись и имеются. Обратившись к текстам об андо-дидойцах, можно заключить, что проблем, связанных не только с официальным статусом этих народов, но и с обучением детей в школах на родных языках и др., практически не существует (не очень внятные упоминания о последней содержатся лишь в очерках о годоберинцах, чамалалах, гинухцах; об экономических же трудностях, испытываемых населением в последние годы, говорится почти везде).

И последнее – об иллюстрациях и библиографии.

Издание хорошо иллюстрировано, в том числе фотографиями конца XIX – начала XX в. Из числа последних многие имеют авторов: Д. Ермакова – создателя хорошо известной, большой серии фотографий о Кавказе (рис. 55), Воюцкого (рис. 239), этнографа А.Г. Данилина, совершившего экспедиционную поездку в Дагестан в 1926 г. (рис. 99) и др. Фотографии хранятся в музеях и научно-исследовательских институтах, они датированы. Поэтому странно видеть в “Народах Дагестана” 2002 г. – академическом издании – их публикацию с указанием лишь того, что они находятся в личных архивах авторов статей (можно надеяться, копий, не оригиналов; только в очерках о чеченцах и горских евреях указываются источники, откуда взяты фотоматериалы). Аналогичное недоумение вызывает отсутствие указаний авторов опубликованных здесь и публиковавшихся ранее в других изданиях литографий XIX в. (рис. 243, 255). Желательно датировать и фотографии самих авторов статей, так как они являются этнографическим источником и документом.

Сводная библиография, помещенная в конце издания, обширна и включает даже неопубликованные, хранящиеся в архиве махачкалинского института работы авторов данной книги. Тем более странным выглядит отсутствие в ней указаний на бесспорно значимые и имеющие прямое отношение к проблематике издания работы Н.Б. Бакланова “Архитектурные памятники Дагестана”. (Л., 1935), Г.Я. Мовчана “Социологическая характеристика старого аварского жилища” (см. прим. 6), А.Ф. Гольдштейна “К типологии дагестанского жилища” (см. прим. 6), Л.И. Лаврова “Историко-этнографические очерки Кавказа” (Л., 1978) и “Этнография Кавказа” (см. прим. 15) и др. Для читателя, заинтересованного в сборе и осмыслении материалов по истории и культуре народов Дагестана, они будут бесполезны. Небезынтересной для него окажется и книга “Народы Дагестана” 2002 г. Впрочем, от нее ожидалось большее.

Примечания

¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1–2. СПб., 1871; Народы Дагестана. Сб. статей / Ред. М.О. Косвен, Х.-М.О. Хашаев. М., 1955; Народы Кавказа. Т. 1 / Ред. М.О. Косвен, Л.И. Лавров, Г.А. Нерсесов, Х.О. Хашаев. М., 1960.

² Агларов М.А. Этнокультурные процессы в условиях множественности политических структур в Дагестане (до XX в.) // Сов. этнография. 1987. № 4.

³ Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. 1868. Вып. 1. С. 20–21.

⁴ Гильденштедт И.-А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер. Т.К. Шафрановской. Ред. и ком. Ю.Ю. Карпова. СПб., 2002. С. 250.

⁵ Воронов Н.И. Из путешествия... С. 20; Полевые материалы автора 1981, 1997 гг.

⁶ Шиллинг Е.М. Малые народы Дагестана. М., 1993. С. 57–58, 123, 141, 206 и др.

⁷ См. напр.: Карпов Ю.Ю. “Верхние” и “нижние”: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 4.

⁸ См.: Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX в. Л., 1988. С. 185; Карпов Ю.Ю. Ребенок и подросток в контексте традиционной культуры народов Западного Дагестана // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 118–119; Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969. С. 48; Мусаева М.К. Хваршины. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 110.

⁹ Карпов Ю.Ю. Общинный зимний праздник у цезов // Сов. этнография. 1983. № 3; Он же. Персонажи шайтлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР. Л., 1989. Т. 43; Он же. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 149 и след.

¹⁰ Воронов Н.И. Из путешествия... // Сборник сведений... 1870. Вып. 2. С. 25.

Ю.Ю. Карпов